

> МАГИСТРАЛЪ >

АННА СТЮАРТ

Акушерка Аушвица

Москва

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
С88

THE MIDWIFE OF AUSCHWITZ

Anna Stuart

Copyright © Anna Stuart, 2022

Стюарт, Анна.

С88 Акушерка Аушвица / Анна Стюарт ; [перевод с английского Т.О.Новиковой]. — Москва : Эксмо, 2026. — 416 с. — (Магистраль. Главный тренд).

ISBN 978-5-04-238255-0

1943 год. Ана Камински проходит через ворота Аушвица рядом с испуганной молодой подругой Эстер Пастернак. Подойдя к началу очереди, Ана выходит вперед и тихо заявляет себя акушеркой — а Эстер своей помощницей. Им делают татуировки с номерами и отправляют в родильный барак. Ана понимает, что судьба женщин в ее руках, и клянется сделать все возможное, чтобы спасти их — и их детей.

Вскоре в Аушвице начинается программа «Лебенсборн»: здоровых детей со светлыми волосами отправляют в немецкие семьи. Подруги тайно татуируют младенцев номерами их матерей в надежде, что когда-нибудь те смогут воссоединиться. Пока ранним утром Ана не замечает округлившийся живот под тонким полосатым платьем Эстер...

Вдохновленный реальной историей, роман «Акушерка Аушвица» стал международной сенсацией и переведен на несколько языков.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-238255-0

© Новикова Т. О., перевод на русский язык, 2024
© Издание на русском языке, оформление, ООО «Издательство «Эксмо», 2026

*Эта книга посвящается памяти
Станиславы Лещиньской
и всех, кто, как она, трудился,
чтобы сохранять надежду
в самые мрачные дни холокоста...*

ПРОЛОГ

АПРЕЛЬ 1946 ГОДА

Повсюду детские кроватки. Они расставлены в гулком зале с деревянным полом, и из каждой во все глаза смотрят маленькие дети. В их глазах нет надежды — детки слишком малы для этого, — но есть какая-то тоска, которая проникает прямо в меня и не только затрагивает струны сердца, но и уходит гораздо глубже, прямо в мою матку. Ребенка я носила очень давно, но это чувство, наверное, никогда не исчезнет. Каждый рожденный мной ребенок оставил во мне свою малую часть, кусочек пуповины — и теперь достаточно мне увидеть широко распахнутые глаза младенца, и сердце мое тает. И, наверное, каждый ребенок, которому я помогла появиться на этот свет за двадцать семь лет работы акушеркой, тоже оставил в моей душе свой след.

Я вхожу в эту комнату. Кроватки грубые и старые, но чистые и сделанные с любовью. В одной плачет младенец. Я слышу женский голос, мягкий, успокаивающий. Женщина поет младенцу колыбельную. Плач постепенно стихает, и остается одна лишь музыка.

В этой большой комнате нет ничего блестящего и современного, но она наполнена любовью. Я улыбаюсь, понимая, что это то самое место, которое мы искали.

— Ты готова?

Я поворачиваюсь к девушке, которая нерешительно замерла в дверях. Она сжала руки так сильно, что пальцы ее побелели, как беленые наличники дверей. Глаза ее расширились, став такими же, как и у сирот, лежащих в кроватках.

— Не знаю...

Я беру ее за руку.

— Это был глупый вопрос. К этому никогда нельзя быть готовым. Но ты здесь — и этого достаточно.

— А что, если?..

— Тогда будем искать дальше. Входи.

Я подталкиваю ее вперед. Пробираясь между кроватками, к нам с улыбкой приближается хозяйка детского дома.

— Вы сделали это. Я очень рада. Надеюсь, дорога была не слишком утомительной?

Не могу сдержать горькой усмешки. Этим утром дорога была простой, но годы, предшествовавшие ей, были наполнены болью и страданиями. Мы шли по темной грязной дороге — никто не должен идти по ней, чтобы добраться до этого обветшалого места угасающей надежды. Дорога измучила нас обеих. Что бы я ни говорила, но не знаю, как далеко кто-то из нас сможет по ней пройти. Женщина понимает. Она берет меня за руку и кивает.

— Плохое время в прошлом.

— Надеюсь, вы правы.

— Мы все слишком много потеряли.

Я смотрю на свою близкую подругу, которая пробирается вперед, к кроватке возле окна. В кроватке сидит девочка. Светлые волосики обрамляют серьезное

маленькое лицо, освещенное солнцем. Увидев, что кто-то подходит, девочка подтягивается и поднимается. Ножки ее дрожат, но она твердо намерена подняться. Моя подруга ускоряется и хватается за решетку кровати. Девочка тянется к ней, и у меня начинает болеть сердце — в моей жизни было слишком много решеток, заборов, неравенства и разделения.

— Это ее дочь? — ахаю я.

— На ней есть татуировка, похожая на ваше описание, — неловко пожимает плечами хозяйка детского дома.

Похожая... Этого недостаточно... Сердце у меня замирает. И теперь уже я не готова — мне хочется, чтобы темная, грязная дорога вела нас дальше и дальше, потому что, идя по ней, мы можем хотя бы питать надежду.

Стоп! Мне хочется плакать, но слова застревают в горле: молодая женщина подходит к кровати и берет на руки малышку. И надежда на ее лице сильнее, чем у всех этих бедных сирот, собранных здесь. Настало время узнать истину. Понять, смогут ли исцелиться наши сердца.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ЛОДЗЬ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1 СЕНТЯБРЯ 1939 ГОДА

ЭСТЕР

Часы на соборе Святого Станислава пробили полдень. Эстер Абрамс тихо опустилась на ступеньки собора и повернулась к солнцу. Солнечные лучи согрели лицо, но осень уже запустила свои щупальца в камень, и ступени охладили ноги. Ей захотелось снять пальто и подстелить под себя, но пальто было новым и безрассудно бледно-голубым. Младшая сестра сказала, что пальто очень подчеркивает цвет ее глаз. Эстер не хотелось его испачкать.

Эстер покраснела. Конечно, покупать такое пальто было глупо, но Филипп всегда так красиво одет. Не экстравагантно — у ученика портного денег было ненамного больше, чем у ученицы медсестры, — но очень тщательно и элегантно. Это поразило ее сразу же, в тот апрельский день, когда он впервые сел на ступеньки поодаль от нее. Тогда она почувствовала, как каждая клеточка ее тела распускается, словно цветы на росшей поблизости вишне. Конечно же, она сразу же отвела взгляд, уставившись на свои вареники, но мамина начинка из квашеной капусты с грибами показалась ей совершенно безвкусной.

Эстер так и не осмелилась поднять глаза, пока он, наконец, не поднялся, чтобы уйти. Только тогда она

рискнула мельком взглянуть на него. Теперь она могла бы его даже нарисовать — стройный, высокий, почти долговязый, очень целеустремленный; пиджак грубый, но хорошо скроенный; кипа с красивой, причудливой каймой буквально приклеилась к макушке. Эстер любовалась им, но он неожиданно оглянулся, и их взгляды встретились. Эстер почувствовала, что не только ее лицо, а и все тело заливают румянец смущения... или, скорее, радости.

На следующий день она пришла пораньше, полная напряженного предчувствия. Пробыло полдень, но молодой человек не появился — по ступенькам стучал палкой лишь старик в слишком глубоко натянутой шляпе. Эстер поспешила помочь ему — во-первых, этого ожидала бы от нее мама, а во-вторых, она надеялась, что к моменту ее возвращения молодой человек уже появится. Он не появился, и она без всякого удовольствия принялась щипать свой бейгл, словно несчастный хлебец был в чем-то виноват. Она еще не успела доест, когда поняла, что молодой человек появился на том же самом месте. Он спокойно закусывал, целиком сосредоточившись на газете. Впрочем, Эстер сразу почувствовала, что он не столько читает, сколько смотрит на нее.

Шесть долгих дней они перекусывали на разных ступенях лестницы, а жители Лодзи ходили по Петровской улице, занятые своими делами, и не обращали на них никакого внимания. Эстер каждый день мысленно репетировала, что можно было бы сказать этому чудесному молодому человеку, но стоило ей попробовать их произнести, как они превращались в невнятное бормотание. И тут между ними появилась какая-то женщина, которая поднималась к церкви, что-то раздраженно бор-

моча себе под нос. Кто знает, что ее разозлило, но когда они оба подняли глаза, она уже скрылась в церкви, и они уставились друг на друга.

Все умные фразы закружились в голове Эстер, но остались внутри, не добравшись до языка. В конце концов, первым заговорил он — сказал что-то тривиальное насчет погоды, она ответила еще более тривиально, и оба улыбнулись друг другу, словно только что услышали нечто мудрое. Похоже, умные фразы у молодого человека тоже остались в голове. Но как только были произнесены первые слова, разговор пошел свободнее, и вскоре они ну не то чтобы болтали, поскольку оба чувствовали себя довольно скованно, но уже делились простыми фактами из собственной жизни.

— Мне нравится ваша кипа, — сказала Эстер. — Очень красивая кайма.

Молодой человек с гордостью провел по кипе пальцами.

— Спасибо. Я сам ее вышивал.

— Сами?!

Молодой человек покраснел. Эстер заметила, что, хотя волосы у него были темными, но глаза оказались голубыми, как у нее.

— Я учусь на портного. Конечно, главным образом шить придется пиджаки, брюки и рубашки, но мне нравится... — Он снова коснулся краев шапочки. — Папа называет это «прихотью». Ему не нравится. Он считает вышивание женским делом.

— Но у вас так хорошо получилось! Он явно ошибается!

Молодой человек рассмеялся теплым, сердечным смехом.